

Гладышева Мария Игоревна

студентка

ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

г. Москва

DOI 10.21661/r-472427

**ЧЕРТЫ АНТИУТОПИИ И УТОПИИ В РОМАНЕ Э. БЕЛЛАМИ
«ВЗГЛЯД НАЗАД: 2000–1887»**

***Аннотация:** в данной статье автором рассмотрен роман американского политического мыслителя социалистического толка и автора фантастических утопических романов Эдварда Беллами. В работе проанализированы черты утопии и антиутопии, которые прослеживаются в данном романе и то, как это влияет на понимание текста.*

***Ключевые слова:** утопия, антиутопия, карнавализация, театрализация, ритуализация жизни, аттракцион, хронотоп.*

Антиутопия идёт рука об руку с утопией, их нельзя не сравнивать. Ведь антиутопия – это опровержение утопии, зачастую это опровержение происходит за счёт новой утопии. На этом основании, утверждение «антиутопия состоит с утопией в отношении диалога» [4, с. 183] является ключевым при определении жанра и жанровых особенностей антиутопии.

Принято считать, что зарождение утопического жанра пришлось на время оформления государства в систему институтов. Антиутопия, которая следовала по пятам за утопией, по мнению некоторых исследователей, существует около 2500 лет. Так, антиутопический мотивы просматриваются ещё в «Государстве» Платона (философия «клириков») и в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании».

Постепенно анализ и критика некоторых аспектов социума и места человека в нем занимали все более и более значимое место, переплетаясь с утопией, но в

то же время абстрагируясь, отдаляясь от неё, приобретая индивидуальные черты. Так, постепенно зародился жанр Антиутопии с его характерными чертами.

В данной статье мы рассмотрим, как проявлялись черты антиутопии и утопии в произведении американского автора фантастических утопических романов Эдварда Беллами, а именно в его романе «Взгляд назад: 2000–1887».

Главный герой романа – мистер Вест (род. в Бостоне в 1857 году). Попадая по воле случая из XIX века в Бостон XX века, он с помощью своих новых знакомых (доктора Литта и его семьи) знакомится с устройством нового мира. Мистер Вест относит себя к верхушке общества и говорит в начале романа, что он «был богат, получил образование, и поэтому обладал всеми элементами счастья, выпавшего на долю привилегированных людей» [1, с. 2]. Общество 19-го века он метафорически сравнивает с «громadным дилижансом» [1, с. 4], возницей которого был Голод. Тащили его «с великим трудом» [1, с. 4] массы людей, тогда как на самом верху помещалось со всеми удобствами небольшое количество избранных. Эти счастливые пассажиры не делали ничего, чтобы облегчить участь упряжных, а даже наоборот критиковали их. За места наверху велась борьба, каждый мечтал быть там и оставить это место своим детям. Из этого мира мистер Вест попадает чудесным образом в совершенно другой мир – в Бостон 20-го века. Происходит перемещение героя не посредством волшебных механизмов, а через летаргический сон. Мистер Вест страдал бессонницей, поэтому устроил себе маленькую комнатку в подвале со звукоизоляцией, в которую удалялся, когда не мог уснуть. Его друг доктор Пилльсбюри вводил его в гипноз, а верный слуга Сойер на утро выводил хозяина из гипноза одному ему известной фразой. В один из таких дней, по случайности, герой был введен в слишком глубокий гипноз, из-за чего проспал 100 лет. Слуга Сойер не смог разбудить хозяина, так как в тот же день, скорее всего, погиб во время пожара, а больше никто не знал о существовании подвала и о том, что мистер Вест пользовался услугами гипнотизера. Проснувшись в Бостоне 20-го века, герой знакомится с доктором Литтом и его семьей, которые рассказывают ему об устройстве их мира, разительно отличающегося от привычного ему. Постепенно герой вливается в этот мир и даже

планирует в нем свое будущее (в романе есть любовная линия героя с дочерью доктора Лита, которая оказывается внучкой его бывшей невесты 19-го века). Однако финал романа неоднозначен. Объяснившись с мисс Лит и признавшись ей в чувствах, герой засыпает в доме доктора Лита в 20-м веке, а просыпается неожиданно в 19-м, который представляется ему ужаснейшим местом. Пытаясь осознать, что же произошло, мистер Вест, отправляется к своим друзьям, но увидя их праздное времяпрепровождение, пораженный тем, что они купаются в роскоши, тогда как в соседнем доме люди голодают, мистер Вест произносит обличительную речь, но остается непонятым. Холодный прием и насмешки доводят его до припадка, в результате которого он просыпается вновь в 20-м веке. С одной стороны, можно считать, что мистер Вест и правда чудесным образом проспал 100 лет, а последующее возвращение в XIX век было лишь кошмаром. Черты фантастического нередко встречаются как в утопиях, так и в антиутопиях. Однако, с другой стороны, вполне логичным кажется и другой вариант развития событий: усыпленный гипнозом, мистер Вест мог увидеть прекрасный сон о преобразованном обществе, потом, проснувшись, он был поражён реалиями XIX века, поэтому произнёс резкую речь перед друзьями и знакомыми, следствием которой стал приступ («Доведённый до отчаяния, я, однако, не сдавался. Слезы брызнули из глаз моих <...> Я задыхался, я рыдал, я стонал» [1, с. 331]). Приступ закончился тем, что герой снова «очутился сидящим на постели в своей спальне у доктора Лита» [1, с. 331]. Однако вследствие этого приступа герой так же мог потерять сознание и снова погрузиться в чудесный сон о XX веке. Читатель волен сам решать, какое из прочтений ему ближе.

Опираясь на списки черт антиутопии, представленные в статьях Б. Ланина («Анатомия литературной антиутопии») и С. Шишкина («Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра»), постараемся рассмотреть, какие из них проявились в произведении Беллами, и рассказать о самых интересных аспектах (противостояние утопии и антиутопии, замкнутость хронотопа антиутопии, карнавализация и связанное с ней понятие аттракциона, ритуализация жизни, которая присутствует и в утопии и в антиутопии).

Для начала вспомним, что утопия – это жанр художественной литературы, близкий к научной фантастике, описывающий модель идеального, с точки зрения автора, общества. А антиутопия – это логическое развитие утопии, характеризующееся стремлением выявить негативные черты в общественном устройстве.

Одним из первых признаков антиутопии считается спор с антиутопией/противостояние ей, то стоит сказать, что в первую очередь интересным в этом произведении является то, что это не назовёшь антиутопией, скорее наоборот, – утопией. Ведь главный герой произведения, заснув под действием неудачного гипноза (так как страдал бессонницей), просыпается через 100 лет, в будущем, которое поражает его своей благоустроенностью, равенством, идеальной жизнью.

В предисловии автор раскрывает свой замысел и, обращаясь к читателю, говорит: «Нам, живущим в последнем году XX столетия, ... сложно представить, что нынешняя организация общества не старше одного столетия. <...> Цель этой книги – помочь людям, которые пожелали бы получить более определённое понятие о социальных контрастах между XIX и XX веками, но которых пугает сухость исторических сочинений. <...> Автор постарался смягчить научное свойство книги и для этого облёк ее в форму романтического рассказа» [1, с. 1, 2].

О том времени, в котором герой засыпает, нам известно очень мало (предполагалось, что читатель, современник автора, прекрасно знает эту эпоху). Однако по тому, как герой удивляется новому миру, всем изменениям и по тому, с каким ужасом его спрашивают про его прошлую жизнь, можно составить себе представление, насколько сильно общество изменилось за 100 лет. «Почти все ново для меня," [1, с. 74] – произносит герой, прогулявшись по новому Бостону.

Все же можно с некоторыми оговорками причислить этот роман к антиутопии. Так, по выражению Б. Ланина: «Антиутопия смотрит в утопию с горькой насмешкой. Утопия же не смотрит в ее сторону, ибо видит только себя и увлечена только собою» [2, с. 159]. В таком случае, утопическим мироустройством надо считать не XX век, а XIX. Действительно, главному герою в начале романа его мир кажется вполне идеальным, а когда он попадает в него второй раз, уже познакомившись с утопическим миром XX века, он в ужасе замечает, как

ошибался раньше. Те же из его старых друзей, кого он встречает, вернувшись, искренне считают его сумасшедшим, когда на званом обеде герой начинает проповедовать и обличать их время. «Дамы обнаружили только отвращение и страх, а мужчины прерывали меня восклицаниями негодования и презрения: «Безумец», «Зловредный субъект», «Фанатик», «Враг общества» [1, с. 331].

Объясняется это тем, что «тогда (т.е. в XIX веке – прим. автора) твёрдо и искренне верили, что нет другого исхода для общества, что иначе и быть не может <...> мало того, думали, что невозможно никакое радикальное изменение» [1, с. 6].

Таким образом, антиутопией здесь можно назвать утопию XX века, которая противостоит утопии XIX века, «смотрит с горькой усмешкой» на неё. Такая композиция зачастую встречается в антиутопиях. (Например, утопию Единого Государства пытаются опровергнуть утопией Интеграла).

Говоря об антиутопии, стоит сказать о хронотопе этого жанра. По словам С.Шишкина, «антиутопия исследует не мир в истории, а остановившуюся историю как художественный образ мира, созданный в результате <...> вероятного развития цивилизации» [5, с. 206]. Замкнутость хронотопа антиутопии провоцирует возникновение у читателя ассоциаций с условным настоящим, с возможным будущим. Читатель, соглашаясь или не соглашаясь с теориями автора, изучает то, как могла бы/может развиваться история. Действительно, место действия в романе Э. Беллами ограничено городом Бостоном, и хотя нам сообщается, что и в других местах устройство общества как минимум похожее, нам, как и герою, приходится верить этому на слово. Что же касается времени, то действие длится не дольше двух недель, конечно, если не брать во внимание перемещения во времени героя.

Обратимся к другим аспектам. Карнавализация или театрализация действия так же имеет место в антиутопии, по мнению некоторых исследователей. Применительно к роману Бэллами, театрализацией действия является смена декораций, то есть смена эпох, в которые попадает герой. Действительно, место действия меняется в романе несколько раз. Первый раз – когда герой, заснув у себя дома,

просыпается уже через 100 лет в доме доктора. Второй раз – когда перед своей свадьбой герой, заснув в доме доктора, неожиданно просыпается в своём прошлом доме, снова в XIX веке. Третий раз – мистер Вест, очнувшись от кошмара, снова оказывается в доме доктора, на следующий день (в день своей свадьбы). Такие перемещения в относительно замкнутом пространстве напоминают смену театральных действий. В театре, когда героя нужно переместить во времени и пространстве, меняют декорации, но сцена в целом остается одна и та же, он не двигается, так и здесь: вокруг героя происходит резкая смена, хотя он буквально не двигается с места: так, например, происходит в конце романа, о чем уже говорилось выше.

К карнавальным, театральным аспектам относится и аспект «аттракциона». Приём аттракциона эффективен в сюжетосложении антиутопии потому, что в силу экстремальных ситуаций он заставляет героев раскрывать свой характер, свои возможности. А. Липков дал достаточно емкое и многостороннее определение «аттракциона», применительно к жанру антиутопии. Рассмотрим его и постараемся проанализировать роман Беллами, согласуясь с этой классификацией. Итак, аттракцион:

- «в плане коммуникативном: сигнал повышенной мощности, управляющий моментом вступления в коммуникацию или вниманием реципиента в процессе коммуникации» [3, с. 195] (Мистер Вест находится в постоянном напряжении, удивлении, когда знакомится с новым миром, это удивление, а так же новизна всего и неожиданность ситуации в целом держат его внимание в напряжении, подталкивают задавать вопросы, вступать в контакт);

- «в плане коммуникационном: резкое возрастание количества поступающей информации в процессе восприятия сообщения» [3, с. 195] (стоит вспомнить фразу мистера Веста о том, что ему «все ново» [1, с. 74] в этом мире);

- «в плане психологическом: интенсивное чувственное или психологическое воздействие, направленное на провоцирование определенных эмоциональных потрясений» [3, с. 195] (само по себе путешествие во времени уже является

серьезным эмоциональным потрясением, а тем более путешествие совершалось несколько раз, не стоит так же забывать про любовную линию романа);

- «в плане художественном: максимально активное, использующее психологические механизмы эмоциональных потрясений средство достижения поставленных автором произведения задач, желаемого «конечного идеологического вывода» [3, с. 195] (постоянные перемещения героя во времени, подкрепляющие примерами словесные сравнения двух эпох, подводят читателя к сравнению своего времени с идеальным миром, нарисованным автором, и призывает действовать, чтобы такой мир мог стать возможным). В последней главе, в своём монологе мистер Вест произносит: «Лучше было бы для тебя, говорила мне совесть, – если бы этот дурной сон оказался действительностью, а эта прекрасная действительность – сном; приличнее было бы тебе защищать распятое человечество среди издевающегося поколения...» [1, с. 333]. Эти слова к тому же можно считать подтверждением второй теории о развитии сюжета романа (чудесный Бостон XX века мог явиться герою во снах, что подтолкнуло героя к этому выводу и, возможно, к дальнейшим реформаторским действиям).

Что же касается карнавальных традиций, то стоит сказать, что как и участники карнавала, герои антиутопии зачастую являются сразу и зрителями, и действующими лицами. Действительно, мистер Вест с одной стороны, как зритель, наблюдает за новым миром, знакомится с его общественным и государственным устройством, а с другой стороны принимает участие в жизни нового Бостона. Как минимум тем, что его появление кардинально меняет жизнь семейства доктора Лита (любовная линия с дочерью доктора Лита). Так же его появление производит значительный резонанс в обществе, можно предположить, что он повлияет на исторические труды, посвящённые XIX веку, а также в романе упоминается речь, которую мистер Вест должен был произнести перед обществом нового Бостона.

Одним из важнейших черт антиутопии является ритуализация жизни. В своей статье «Анатомия литературной антиутопии» Б. Ланин отмечает, что «Общество, реализовавшее утопию, не может не быть обществом ритуала» [2, с. 157].

Действительно, ознакомившись вместе с мистером Вестом с традициями и порядком общества Бостона XX века, мы можем сказать, что в нем все работает как по часам, то есть с совершенно механической, отработанной точностью. Это делает жизнь обитателей города стабильной, правильной, но, возможно, несколько скучной. Герой не пытается противостоять утопии нового мира, но он восстаёт, мысленно или возможно в действии (в зависимости от того, какой теории концовок романа придерживается читатель), против утопии XIX века, в которой тоже присутствовала ритуализация жизни: «Тогда твёрдо верили, что <...> иначе и быть не может, большинство непременно должно тащить повозку, а меньшинство сидеть наверху» [1, с. 6] (под метафорой «повозки» автор подразумевал устройство общества, при котором большинство бедных трудящихся обеспечивает, зачастую путём непосильного труда, всем необходимым меньшинство богатого населения).

Таким образом, рассмотрев лишь некоторые из аспектов классификации жанра антиутопии применительно к роману Эдварда Беллами «Looking backward: 2000–1887», можно сказать, что в данном произведении встречаются черты как антиутопии, так и утопии, что играет определенную роль в понимании этого текста. Финал, предполагающий несколько возможных развязок, дает читателю возможность предположить, как будет в дальнейшем развиваться события: останется ли мистер Вест в утопическом XX веке или же ему предстоит борьба с антиутопией XIX века.

Список литературы

1. Беллами Э. Будущий век / Э.Беллами, пер. Л. Грей – СПб.: Типография А.С. Суворина – 1891
2. Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии / Б. Ланин // Общественные науки и современность – 1993. – №5. – С. 154–163.
3. Липков А. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона / А. Липков – М.: Наука, 1990.

4. Новикова Г. Необыкновенные приключения науки в утопии и антиутопии (Г. Уэллс, О. Хаксли, А. Платонов) / Г. Новикова // Вопросы литературы. – 1998. – №4.

5. Шишкин С. Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра / С. Шишкин // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. – 2007. – №2. – С. 199–208.